

Автобиография В. М. Гаршина¹

В. М. Гаршин. Письма
М., ACADEMIA, 1934
Scan [ImWerden](#)
OCR [Бычков М. Н.](#)

Род Гаршиных -- старый дворянский род. По семейному преданию, наш родоначальник мурза Горша или Гарша вышел из Золотой Орды при Иване III и крестился; ему или его потомкам были даны земли в нынешней Воронежской губернии, где Гаршины благополучно дожили до нынешних времен и даже остались помещиками в лице моих двоюродных братьев, из которых я видел только одного, да и то в детстве. О Гаршиных много сказать не могу. Дед мой Егор Архипович был человек крутой, жестокий и властный: порол мужиков, пользовался правом *primaе postis* и *выливая кипяток* фруктовые деревья непокорных однодворцев. Он судился всю жизнь с соседями из-за каких-то под топов мельниц и к концу жизни сильно расстроил свое крупное состояние, так что отцу моему, одному из четверых сыновей и одиннадцати или двенадцати, детей, досталось только семьдесят душ в Старобельском уезде. Станным образом, отец мой был совершенною противоположностью деду: служа в кирасирах (в Глуховском полку) в николаевское время, он никогда не бил солдат; разве уж когда очень рассердится, то ударит фуражкой. Он кончил курс в 1 Московской гимназии и пробыл года два в Моск. университете на юридическом факультете, но потом, как он сам говорил, "увлекся военной службой" и поступил в кирасирскую дивизию. Квартирова с полком на Донце и ездя с офицерами по помещикам, он познакомился с моею матерью, Е^{катериной} С^{тепановной}, тогда еще Акимовою, и в 48 г. женился.

Ее отец, помещик Бахмутского уезда Екатеринославской губернии, отставной морской офицер, был человек очень образованный и редко хороший. Отношения его к своим крестьянам были так необыкновенны в то время, что окрестные помещики прославили его опасным вольнодумцем, а потом и помешанным. Помешательство его состояло, между прочим в том, что в голод 1843 года, когда в тех местах чуть не полнаселения вымерло от голодного тифа и цынги, он заложил имение, занял денег и сам привез "из России" большое количество хлеба, которое и роздал даром голодавшим мужикам, своим и чужим. К сожалению, он умер очень рано, оставив пятерых детей; старшая, моя мать, была еще девочкой, но его заботы о воспитании ее принесли плоды -- и после его смерти попрежнему выписывались учителя и книги, так что ко времени выхода замуж моя мать сделалась хорошо образованной девушкой по тогдашнему времени, а для глухих мест Екатеринославской губ. даже редко образованной.

Я родился третьим (в имении бабушки, в Бахмутском уезде), 2 февраля 1855 г., за две недели до смерти Николая Павловича. Как сквозь сон помню полковую обстановку, огромных рыжих коней и огромных людей в латах, белых с голубым колетах и волосатых касках. Вместе с полком мы часто переезжали с места на место; много смутных воспоминаний сохранилось в моей памяти из этого времени, но рассказать я ничего не могу, боясь ошибиться в фактах. В 1858 г. отец, получив наследство от умершего деда, вышел в отставку, купил дом в Старобельске, в 12 в. от которого было наше имение, и мы стали жить там. Во время освобождения крестьян отец участвовал в харьковском комитете, членом от Староб. уезда.² Я в это время выучился читать; выучил меня по старой книжке "Современника" (статьи не помню) наш домашний учитель П. В. Завадский, впоследствии сосланный за беспорядки в Харьк. унив. в Петрозаводск и теперь уже давно умерший.

Пятый год моей жизни был очень бурный. Меня возили из С. в Харьков, из Х. в Одессу, оттуда в Х. и назад в С. (все это на почтовых, зимою, летом и осенью); некоторые едены оставили во мне неизгладимое воспоминание и б. м. следы на характере. Преобладающее на моей физиономии печальное выражение, вероятно, получило свое начало в эту эпоху.³

Старших братьев отправили в Петербург; матушка поехала с ними, а я остался с отцом. Жили мы с ним то в деревне, в степи, то в городе, то у одного из моих дядей в С^{таробельском} же уезде. Никогда, кажется, я не перечитал такой массы книг, как в три года жизни с отцом, от пяти до восьмилетнего возраста. Кроме разных детских книг (из которых особенно памятен мне превосходный "Мир божий" Разина), я перечитал все, что мог едва понимать из "Современника", "Времени" и других журналов за несколько лет. Сильно на меня подействовала Бичер-Стоу ("Хижина д^{яди} Тома" и "Жизнь негров"). До какой степени свободен был я в чтении, может показать факт, что я прочел "Собор